

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

МИХАИЛ
ЛАНЦОВ

**НИКОЛАЙ
ХМУРЫЙ**

ИМПЕРИЯ ОЧЕНЬ ЗЛА!

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л22

Разработка серии *С. Курбатова*

Художник *Павел Трофимов*

Ланцов, Михаил Алексеевич.

Л22 Николай Хмурый. Империя очень зла! / Михаил Ланцов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2020. — 384 с. — (Героическая фантастика).

ISBN 978-5-04-108305-2

Наш современник гибнет в теракте на железной дороге... но только для того, чтобы очнуться в теле своего тезки — Николая Александровича — в момент железнодорожной катастрофы 1888 года. В этот раз Александр III и Георгий Александрович погибли. В этот раз Николай стал Императором на 8 лет раньше... и это СОВСЕМ другой Николай.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108305-2

© Ланцов М., 2020
© ООО «Издательство «Яуза», 2020
© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Николай Александрович отпил немного кофе из миниатюрной, поистине «жлобской» чашечки и уставился ничего не видящим взглядом за окно. Высокоскоростной поезд мчал его вдаль от Парижа. Несмотря на кризис и всеобщую политическую истерию, он все еще держался... а вместе с ним и его бизнес. Но легче не становилось. Вот и сейчас он пытался найти способ обойти совершенно дурацкие запреты и обеспечить взятые на себя обязательства по поставке промышленного оборудования.

В вагон-ресторан он не пошел. Шумно. А здесь было можно подумать и попытаться просчитать предстоящие переговоры. Надежды немного, но он все равно хотел попробовать. Вдруг удастся найти подход? Хотя кого он обманывал?

Тяжело вздохнув, он еще раз глотнул кофе. С разочарованием посмотрел на керамическое донце пустой чашки и с сожалением поставил ее на блюдце. И тут его взгляд зацепился за странного сотрудника железной дороги. Тот был одет в широкую на-

кидку, явно предназначенную для другой погоды, и глаза имел натурально безумные.

— Аллах-бабах! — вдруг выкрикнул этот странный индивид. Дернул что-то. И в Николая Александровича ударил яркий свет. А потом, следом, что-то упругое... бесформенное... и очень сильное, то, что играючи вжало его в кресло до такой крайности, что, казалось, перехватило дыхание и затрещали кости...

Но ненадолго. Казалось, он пару мгновений пробыл в таком зажатом состоянии. Потом моргнул, тряхнул головой, пытаясь избавиться от этого наваждения, и оказался на неудобном деревянном сиденье в каком-то антикварном вагоне-ресторане. А перед ним — незнакомые люди в старомодной одежде, напряженно смотрящие на него с беспокойством в глазах. За окном же медленно ползли пейзажи. После порядка трехсот километров в час, с которыми летел поезд Париж — Лион, теперь казалось, что состав едва движется, подозрительно покачиваясь и опасно поскрипывая. Общую идиллию портил только лишь каменноугольный дым, «аромат» которого угадывался в воздухе...

— Avec toi tout est bien? — поинтересовалась юная особа с неподдельным участием в голосе.

Но ответить Николай Александрович не успел. Раздался очень неприятный и громкий звук, как если бы лопнула крупная металлическая деталь, и вагон стал заваливаться, падая под высокую насыпь... Все замелькало перед глазами. Перекошен-

ные ужасом лица. Стены. Потолок. Фрагменты еды... или это была не еда? Ну вот наконец все утихло. Вокруг была темнота и какая-то гудящая, прямо-таки звенящая тишина в ушах.

«Какой у меня странный финал...» — пронеслось в голове Николая. Он только сейчас успел осознать, что там, в поезде Париж — Лион, его жизнь оборвал религиозный фанатик и убийца-психопат, хотя, вероятно, отличий в этих эпитетах, по существу, и не было. Это было так странно — лежать и думать о том, как умер. И куда он «загремел»? Это что, такой ад? Скучный. У того, кто его придумал, не было ровным счетом никакой фантазии. А если не ад, то что? И главное — почему все так по-дурацки?

Потихоньку слух восстановился, и Николай Александрович отчетливо стал слышать дыхание людей где-то рядом. Разное. Где-то неустойчивое и рваное, где-то мерное, где-то вообще сдавленные хрипы... а где-то там, за непонятым барьером, роль которого выполняли, вероятно, обломки вагона, раздавались даже крики...

А потом на него нахлынули, словно волна, словно ураган, какие-то слова, мысли и чувства, закружившие Николая в круговороте воспоминаний. Такие чужие и далекие, и такие близкие, яркие, сочные, объемные и фактурные. Они оказались настолько увлекательными и сильными, что он перестал слышать и видеть все вокруг...

Сколько это продолжалось? Он не знал. Но первое, что он увидел после возвращения в этот сон,

оказался лейб-медик. Тот нагло совал ему под нос какую-то склянку с чем-то вонючим. Почему он решил, что перед ним лейб-медик? Ну так форма была характерная, да и знал он его... почему-то... Наконец, поморщившись, Николай Александрович выдавил из себя:

— Merde.

Почему по-французски? А как ему разговаривать во Франции? Ведь где произошло крушение? Да, одежда странная. И вообще непонятно, откуда все эти люди взялись. Но мало ли у него какие сбои в работе сознания из-за контузии или какой еще травмы мозга?

Кто-то что-то буркнул в сторону, и его начали куда-то укладывать. Вроде как даже на импровизированные носилки. «Этого еще не хватало!» — пронеслась в голове шальная мысль. Чувствовал он себя погано, но все тело прекрасно ощущал. А недомогание сводилось к отвратительному настроению и легкой тошноте. «Видно, сотрясение все же заработал. Не самый плохой исход. Такой близкий взрыв мог и убить. Хотя галлюцинации интересные. Когда еще такие посмотришь?» С этими мыслями Николай Александрович оттолкнул назойливые руки и попытался встать. На удивление, это получилось вполне успешно. Тем более что те самые «руки», что пытались уложить его на носилки, стали всемерно помогать подняться.

Он встал. Встряхнул головой и уставился на свежий труп человека в пяти шагах от себя. Это была

женщина в годах. Доской обшивки ей пробило грудную клетку. И он ее знал... откуда-то знал... Помнил.

В нос ударил запас парного мяса, крови и нечистот, что непременно сопровождают смерть. У смерти характерный запах, и это отнюдь не цветочный букет. Стало страшно. Очень. Слишком уж странные это галлюцинации. Такие натуральные. И удивительно реалистичная картинка и запах. Он протянул руку и провел пальцами по обломку доски, подспудно отмечая, что тактильные ощущения также на очень высоком уровне.

«Так это что получается? Неужели это не сон? Неужели это реальность? — остро прозвучала в его голове мысль. — Нет... так не бывает... Бред...» Он отшатнулся от покойной. Окинул взглядом «поляну» и обалдел от того, насколько все было бестолково и неустроенно. Люди, конечно, пытались что-то делать, но не все и как-то вразнобой. Прямо иллюстрация на тему того, что анархия и самоорганизация народных масс — полный бред и безнадежная мечта экзальтированных идеалистов. Толку от их действий почти не было. А стоны раненых, заваленных обломками, хорошо были слышны.

Николай Александрович попытался взять командование на себя. Начал приказывать, но говорил на французском. Отчего люди хоть и слушали его, да понимали далеко не все. Минуты через три-четыре его это достало. Он с раздражением глянул на одного такого непонятливого. Тот заглядывал ему в рот, ловя каждое слово, но, очевидно, ничего не

понимал. Посему Николай вздохнул и еще раз попытался втолковать поручение.

— Не понимаю я, Ваше Императорское Величество, — наконец страдальческим голосом произнес этот мужчина.

— Императорское Величество? — невольно переспросил Николай Александрович уже по-русски. Скорее на автомате, чем осознанно. — Чего ты такое мелешь?

— Так батюшка ваш... Александр Александрович... представился... — извиняющимся, прямо-таки дрожащим голосом сообщил собеседник.

Николай Александрович схватился за голову. Бред. Бред! БРЕД! Какой император? Что он несет?! И отца его звали не так. Да, Александр, но Анатольевич. Да и вообще... почему он в казачьей форме? Что вообще, черт побери, происходит?! А впрочем, какая разница? Император? Подчиняются? Ну и бес с ними! Сейчас главное — дело делать. А с остальным потом разберется. Поэтому, взяв себя в руки, Николай начал командовать этими людьми по-русски. И они, что удивительно, охотно подчинялись. И весь тот хаос, что окружал место железнодорожной катастрофы, в считанные минуты заменил деловитый порядок...

Часть 1

НИКОЛАЙ КРОВАВЫЙ

— Хороший? Плохой? Главное —
у кого ружье!

Глава 1

1889 год, 3 февраля.
Санкт-Петербург

Первые минуты и даже часы после «попадания» Николай Александрович не задумывался ни о чем, кроме дела. Люди же умирали. И он не мог просто так взять и начать рефлексировать. Дурные мысли накатились позже, когда ему удалось уединиться в вагоне прибывшего из Харькова поезда. Несмотря на всю неказистость этого самого обычного состава, ему выделили прилично места. Во всяком случае, достаточно, чтобы побыть одному и подумать. Так-то по-хорошему нужно было отдыхать, но в эти часы ему было совсем не до сна.

К прибытию в Санкт-Петербург рефлексия в целом прошла. Не тот у него был характер, чтобы истерики устраивать. Да — шок. Да — полное непонимание того, как это все произошло. Ну и что? Он же не всеведущий. А в этом мире, без всяких сомнений, есть масса того, что еще долго не смогут даже предположить.

Но главное, пришло осознание — он попал. Во всех смыслах этого слова. Теперь вынужден отдуваться за милого хипстера Ники, известного также как Его Императорское Величество Николай II Александрович. Того самого, что стал главным позорищем России в XX веке, конкурируя за первое место в этом деле с Хрущевым и Горбачевым...

То есть картина «Приплыли». Ведь если по уму, то у него был только один сценарий поведения — принять сложившуюся ситуацию как данность и попытаться выжить. Хотя бы тут. Ведь, по сути, там, в скоростном поезде, идущем на Лион, погиб не он, а цесаревич. Опосредованно, конечно. Бедолагу ведь вышвырнуло из тела ворвавшимся туда инородным сознанием, которое, в свою очередь, поспешно эмигрировало из своего бывшего обиталища. От несчастного цесаревича остались лишь воспоминания, обрывки мыслей да кое-какие навыки. И все.

Николая Александровича немного беспокоил тот факт, что в железнодорожном крушении погиб император. Об этом событии он и слышал, и читал. В реальности этого не было. А тут вот —

пожалуйста. И император, и второй его сын — Георгий, а еще младшая дочка — Ольга. Почему так? Единственным объяснением, которое придумал наш герой, стало отсутствие предопределенности. То есть заранее ничего не известно. И раз событие произошло еще раз, то и «кубики кинули» заново с совсем другим результатом.

Впрочем, иллюзий от того, что выжил и стал императором, да еще на восемь лет раньше, Николай Александрович не испытывал. И на то были очень веские причины. Он плохо знал историю эпохи и региона. Только какие-то ключевые даты или выборочные эпизоды с персоналиями. Но и этого хватало, чтобы вкупе со сведениями покойного предшественника и взрослым, зрелым и неплохо развитым умом нарисовать ужасающую картинку.

Несмотря на устоявшиеся стереотипы, из последнего «трио» императоров собственно самодержцем был только Александр II. Да, странный и непоследовательный либерал. Но правил он самостоятельно и самодержавно. Этаким просвещенный либеральный тиран.

Александр III, сменивший отца в 1881 году, к престолу совершенно не был подготовлен. Хуже того — пошел характером в мать. Из-за чего за внешним фасадом крупного, крепкого и довольно brutального мужчины скрывался рохля и подкаблучник. Страной же по факту правила его супруга — Дагмара. Насколько это вообще возможно при столь опосредованной схеме управления.

Эта маленькая, хрупкая женщина держала в своих крохотных кулачках не только яйца мужа-увальня и детей, ходящих по струнке, но и всю остальную страну. Однако ей хватало ума оставаться в тени, из-за чего создавалась иллюзия могущества личности Александра III. О том, что это совсем не так, Николай Александрович узнал, только попав сюда. Покойный Император был не страшный русский медведь, а милый плюшевый мишка, чем пользовались без всякого зазрения совести все, кому не лень. Ведь Мария Федоровна не всегда была рядом и не всегда могла надавать по рукам всяким интриганам. Что влекло за собой самые кошмарные последствия. В частности — серьезное усиление великих князей — братьев Императора.

Вот и выходило, что, вступив на престол, Николай Александрович оказывался критически стеснен властной мамой и не менее амбициозными дядями. Ситуация усугублялась еще и тем, что он сам был полноценным продуктом эпохи и окружения. От природы неглупый малый страдал от того, что его голова была забита религиозной чепухой, посеянной там Победоносцевым. А достаточно твердый характер, немало взявший от волевой мамыши, был совершенно вывихнут откровенно идиотским воспитанием и не позволял ему действовать в должной степени жестко и решительно. Особенно по отношению к близким людям.

И чем дальше, тем ситуация становилась хуже. Великие князья прирастали могуществом, Мария

Федоровна ширила и укрепляла свой двор, превращая его в альтернативный центр власти. В довершение всего Николай Александрович вляпался еще и в Алису, которая только усугубила и без того мрачное положение дел. То есть с 1881 года в Российской империи начал стремительно прогрессировать кризис власти, а ее саму стали разрывать внутренние противоречия. На самом верху. Как в той басне про Лебедь, Рака и Щуку. Кто во всем этом был виновен? Прежде всего Александр II, который допустил наследование империи сыном-рохлей. У него было из кого выбирать, но он о том не думал. Завершили же «картину маслом» родители Николая II, не только распустившие великих князей, но и изуродовавшие сына бестолковым воспитанием...

И вот в это тухлое болото влетел наш герой. К счастью, не успев вляпаться в Алису. Но это помогло не сильно. Однако осознание само по себе — важное дело! Если не понимаешь, что происходит, то и разрешить этой беды не удастся. Но, несмотря на некоторый оптимизм, что делать, обновленный Николай Александрович пока не знал. Ведь за дядями стояли реальная власть, сила, деньги и вооруженные люди, верные и обязанные им. Пойди их задвинь. Мигом оливкой подавишься. О печальной судьбе Павла Петровича наш герой и до того знал и, что любопытно, почерпнул немало деталей из воспоминаний реципиента. Тот тоже о нем нередко думал, видно, неспроста. Поэтому наш герой на